

УДК 947(470.6)
 DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.11

Д. С. Ткаченко

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИКАХ Г. С. ГОРДЕЕВА (20–30 гг. XIX в.)¹

Статья посвящена изучению начального этапа становления российского Кавказоведения и этнографических описаний в регионе на примере деятельности Г. С. Гордеева. В ней показана эволюция научных интересов и исследовательских практик типичного представителя военно-разведывательного изучения Кавказа, принадлежащего к сословию мелкопоместных и незнатных дворян, строивших свою карьеру на гражданской и военной службе в Закавказье.

Основываясь на архивных источниках, опубликованных работах исследователя и материалах периодических изданий XIX в. автор показывает вклад Г. С. Гордеева в составление этнографических описаний осетин, хевсуров, тушин и отчасти народов нагорной полосы Дагестана, а также изучения региона с точки зрения военной топографии. В статье показана связь географического и этнографического изучения Кавказа с военными и политическими требованиями имперских властей, которая определяла, как направления сбора материала военным разведчиком, так и тональность его публикаций.

Материалы, собираемые Г.С. Гордеевым для руководства Кавказского корпуса, показывают то, как по мере интеллектуального освоения региона изменялся взгляд на проживающие в нем народы от их романтического восприятия до попыток выработки научных подходов к описаниям этнических реалий.

Статья также фокусирует внимание на том, что в научном наследии Г.С. Гордеева можно проследить и основные идеи формирующегося в Российской империи ориентализма: представление о цивилизационной отсталости жителей региона, повышенный интерес к их древней истории и этнокультурным традициям, тезис о первичности на Кавказе Христианства по сравнению с Исламом.

Автор приходит к выводу, что весь жизненный путь Г. С. Гордеева, погибшего в ходе одной из своих разведывательных миссий в Нагорном Дагестане, был посвящен целям интеллектуального освоения Кавказа и включению региона в состав Российской империи.

Ключевые слова: Кавказоведение, этнография Кавказа, Осетия, Хевсурия, Нагорный Дагестан, Авария, военно-статистические описания, интеллектуальное освоение Кавказа, Отдельный кавказский корпус.

Dmitry Tkachenko

CENTRAL AND NORTH-EASTERN CAUCASUS IN THE EXPLORATIONS OF G. S. GORDEEV (1820–1830s)

The paper explores the ethnography and region studies foundation in the Caucasus in the case of G.S. Gordeev. It shows the evaluation of choosing the scientific plot and practical activities of a typical representative of the military survey branch of the Caucasus studies. Gordeev belonged to the sort of a common nobleman who made his career via military and civil service in Transcaucasia.

Based on the archive primary sources, published papers of the investigator and a lot his articles taken from the periodical newspapers of the early XIX c. the author shows the input of G.S. Gordeev into the foundation of the ethnographical descriptions of the Ossetians, Chevsurians, Tushines and people of the Highland Dagestan together with studying of the region from the point of military topography. The paper emphasises the genuine unity of geographical and ethnographical studies with the military and political demands of the Imperial power that structured the direction

На рубеже 20-30-х гг. XIX в. российское командование на Кавказе пришло к пониманию необходимости тщательного исследования региона для успешной организации как его военного присоединения, так и последующего освоения. Командовавшие в это время Кавказским корпу-

of collecting data by the researcher. The materials collected by Gordeev for the commanding staff of the Caucasus either show some evaluation of the insight on Caucasus people from Romanticism to serious scientific studies.

The article highlights that at the case of Gordeev's scientific heritage one can see the base ideas of the Orientalism: the statements of the Caucasus people backwardness, the urge to study ancient history and ethnic cultural traditions together with the idea of the Christian religious priority against the Islam in the Caucasus.

The author concludes that the whole life of Gordeev, killed in his final scout expedition in the Highland Dagestan, was dedicated to the intellectual exploration of the Caucasus and its inclusion into the Russian Empire.

Key words: Caucasus studies, Caucasus ethnography, Ossetia, Chevsuria, Highland Dagestan, Avaria, military-statistical descriptions, intellectual exploration, Caucasus military corpus.

сом И.Ф. Паскевич, а затем Г.В. Розен стали первыми организаторами разведки неисследованных территорий, предполагая использовать для этого находившихся в их распоряжении офицеров. Деятельность некоторых из них, – таких как Г. В. Новицкий и Ф. Ф. Торнау в силу как удачного

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-09-00037 «Военные кавказоведы Российской империи: исторические портреты, исследовательские практики и научное наследие»

стечения обстоятельств, так и литературного таланта авторов, получила широкую известность, а описания их разведывательных миссий переиздаются и сейчас [11]. Однако, большая часть разведчиков, отправленных в горы, не была столь удачлива и участники исследовательских экспедиций, оставив в лучшем случае несколько заметок на страницах периодических изданий своего времени, выпали из сферы общественного внимания. Одним из таких людей стал Григорий Сергеевич Гордеев: военный исследователь, автор топографических и этнографических зарисовок центрального и Северо-восточного Кавказа.

Будучи выходцем из мелкопоместного, незначительного дворянства [10, Л. 218 об – 219]. Г.С. Гордеев стал типичным представителем формирующейся региональной интеллигенции, связанной с гражданской и военной службой. Его послужной список сообщает, что, получив образование в Первом Кадетском корпусе и прослужив короткое время в Польше, молодой офицер в ноябре 1817 г. был переведен в Тифлисский артиллерийский гарнизон отдельного Кавказского корпуса [10, л. 218 об – 219].

Во время поездки в Грузию Гордеев составил травелог, опубликовав позднее отрывки из него в виде литературного очерка [10]. Свои описания Кавказа автор начал с Моздока, который в первые десятилетия XIX в. являлся обыкновенным уездным городом [7, №18, с. 4]. О военном прошлом напоминали только остатки земляного вала, которые «приходили к совершенному разрушению, но по банкету его находится еще несколько пушек на старых и гнилых крепостных лафетах, которые стреляют через крону бруствера» [7, №18, с. 4], – писал он.

Очерк Гордеева не выделяется на фоне путевых заметок других путешественников, но интересен тем, что описывает участок пути по Военно-грузинской дороге до его переноса на правый берег Терека. Как и многие другие проезжавшие по Кавказскому приграничью Гордеев «чувствовал, что движется по границе между двумя мирами» [13, р. 5] и неудивительно, что он воспринял переправу через реку Терек как переход через границу известного для европейцев мира. «Волновавшаяся передо мной река, – писал он. – представлялась мне адским Стиксом, а устроенный на ней паром страшной ладьей Харонта» [7, №18, с. 4].

Чувство постоянной военной опасности передано в описаниях как самой дороги, проходившей по предгорьям, так и военных постов, превращенных в путевые станции. На одном из них, автор переждал налет горской партии, который вызвал переполох среди ехавших вместе с ним в Грузию гражданских чиновников [7, №19, с. 4]. Он дает детальное описание пути от Александровского редута до Владикавказа, сочетая в травелоге восхищение от вида кавказской горной цепи со

страхом попасть в плен к жителям этих мест и уделяя особое внимание опасным участкам дороги [7, №20, с. 3]. Описания Гордеева согласуются с впечатлениями других путешественников, которые в 1820 – 1830 гг. проезжали по этим же местам [14, р. 54].

Уже в своем первом кавказском произведении Гордеев проявлял интерес к этнографии местных жителей. Он приводит историю переселения осетин в район Владикавказской крепости, пытается дать характеристику старшин и ведущих фамилий. Круг информации, приводимой Гордеевым и оценки действиям России, не выходили рамки официальных. «Через основание Владикавказской крепости сохраняется твердое сообщение России с Грузией и смиряется буйство многих племен Кавказа. Они, познав благотворное наше могущество, начинают верить междуособные свои распри суду Владикавказского коменданта и год от года привыкают уважать власть его» [7, №20, с.4], – писал автор.

В целом, травелог Гордеева является одним из примеров романтического представления о Кавказе. «Трудно выразить впечатление, которое ощущает Русский проходя в первый раз Кавказские горы, – писал автор. – Он вступает в ущелья как во врата нового, неизвестного ему мира. Изумленному взору его представляется все новое, все величественное и поразительное, – но чудное» [7, №22, с.3].

В рядах Кавказского корпуса, Г. С. Гордеев пробыл недолго. В 1826 г. дослужившись лишь до чина поручика, он по болезни уволился со службы [3, с.311]. Молодой человек состоял чиновником при Тифлисском военном губернаторе, затем в Казенной экспедиции, производил работы по благоустройству Тифлиса, а в 1829 г. составил финансовое и статистическое описание Тифлисского уезда. С 1829 г. Г.С. Гордеев начал сотрудничество с Тифлисскими ведомостями, где несколько лет подряд публиковал разнообразные заметки.

На Кавказе молодой чиновник стал одним из ранних российских этнографов. В 1829 г. он написал очерк: «Народные праздники Тифлиских жителей и соединенные с ними обычаи и предразсудки» [7]. В очерке была представлена как интерпретация жителями Тифлиса общехристианских праздников, так и дан подробный рассказ о колоритных религиозных традициях [7, №20, с.3]. Очерк Гордеева был составлен в ключе представлений имперской администрации об истории региона изначально связанной исключительно с распространением Христианской религии [7, №20, с.3].

Вместе с тем, в очерке Гордеева можно наблюдать и то, как научные интересы ученого-этнографа, начинали превалировать над конъюнктурной целесообразностью. Рассуждая об изначально христианской религиозности грузин и приводя

примеры гонений на христиан со стороны персидских правителей, он все же опровергает легенду о происхождении этнического названия «Грузия» (Georgia) от имени святого Георгия как ничем не обоснованную [7, №20, с.3]. Для того, чтобы понять управляемых империей людей он призывает глубже изучать сохранившиеся народные предания, считая, что только они могут раскрыть истинный характер этноса. «Народ толпами и с удовольствием внимает сим преданиям, с восхищением слушает громкий напев отечественных певцов и каждый по возможности награждает их скудными дарами, исторгнутыми мгновенным восторгом» [7, №21, с.3], – описывал он живописное сочетание христианских и более ранних традиций, которые этнограф мог наблюдать в Тифлисе во время религиозных праздников.

Помимо этнографических описаний жителей Тифлиса, Гордеев был задействован и в изучении народов центрального Кавказа. В конце 1820-х гг. он побывал в Осетии, составив довольно обширный этнографический очерк «Вероисповедания, Суеверия, обряды, правление, обычаи и нравы осетин» [2]. Несмотря на то, что труд Гордеева носил описательный характер, в нем можно проследить мотивы, ставшие позднее характерной чертой российского ориентализма на Кавказе: первостепенное значение, было уделено описанию древних христианских церквей – как сохранившихся, так и лежавших в руинах [2, 28, с.2]. Их наличие в глазах строителей империи доказывало превосходство Христианства на Кавказе и позволяло объявить Ислам более поздними напластованиями над традиционным культурным обликом жителей Центрального Кавказа. Этой же цели служил тщательный сбор информации о языческих обрядах и суевериях осетин. Автор приводит яркий рассказ о сохранившихся языческих ритуалах, совершаемых зачастую рядом со зданием церкви [2, 28, с.2], об охраняемых традициями священных рощах [2, 28, с.3] и даже архаичные обычаи, связанные с отдельными животными: кошками и собаками [2, 28, с.4]. Как и многие представители ориентализма, Гордеев считал, что некогда существовавшая высокая христианская культура была утрачена современными горцами [2, 28, с.3]. Архаичность существующих обрядов и грубость нравов местных жителей, подобные описанным в этнографических исследованиях, давали по мнению имперской администрации, России полное право внести в регион основы цивилизации и гражданского порядка. Судя по тону своих очерков, Гордеев целиком разделял эти взгляды.

В июне-августе 1830 г. он принял участие в военной экспедиции генерал-майора Ренненкампа в Осетию, по результатам которой, в Тифлисских ведомостях им были опубликованы обстоятельные «Письма из Осетии» [6].

Они отразили военные методы ведения этнографической разведки: получение этнографом знаний проходило под прикрытием военного отряда, посланного для силового решения возникших у командования проблем. Это наложило отпечаток не только на стиль составленных Гордеевым описаний, но и на сами принципы отбора дальнейшей этнографической информации. «Многочисленные и буйные племена Ирон или Осетин, обитающих в Западной части Кавказских гор, с давних времен хищениями и набегами своими безнаказанно беспокоили Грузию, Имеретию, Мингрелию и другие закавказские области округи. Они, подобно диким зверям подстерегали жертвы свои в засадах, укрепленных самой природой, около дорог, проходящих через горные теснины» [6, №72, с.3], – начинает автор свои очерки.

Вместе с официальной трактовкой военной экспедиции как мероприятия, необходимого для того, чтобы навести порядок в предгорьях, автор так же приводит и сведения относительно расселения осетинских обществ, системы управления ими через назначавшихся Грузинскими царями наместников – эристапов. Традиционную административную систему Гордеев считает неудобной и требующей замены [6, №72, с.3].

Предназначение империи автор видел в установлении в крае гражданского порядка, что можно было сделать по мнению Гордеева, исключительно силовым путем. «Опыт доказал, – писал он, – что ни проповедование Слова Божия между Осетинами, ни самые кроткие меры и ласки, употребляемые нашим Правительством, не в силах обуздать сего народа; а потому, предложено было для общего спокойствия Грузии, одним решительным ударом привести народ сей к должному повиновению и посредством поставленных над ними начальников, обратить к порядку мирной гражданской жизни» [6, №72, с.3]. Показав себя приверженцем силового решения Кавказских проблем, Гордеев помимо этнографических описаний приводит детальный отчет о действиях военных.

Он по дням описывает передвижения отряда «среди дикой природы, среди предметов новых и поразительных», сопровождая их обстоятельными заметками об окружающей его природе и жителях [6, №72, с.4]. Они также представлены в контексте существовавших имперских клише: в осетинах автор видит только «отважных и дерзновенных Кавказских разбойников. – Они несколько веков составляли из себя одно буйное общество, презиравшее слабых властителей Грузии и неохотно повиновавшееся Российскому правительству. Кровожадное сие племя, считало Карталинию своею добычей; безнаказанно почти ежегодно наносило мирным ее жителям чувствительные раны, разоряя их земли, пленяя их, проливая их кровь, похищая принадлежащие им имущество и стада» [6, №72, с.4].

Вместе с тем, Гордеев скрупулезно перечисляет осетинские общества, пытается дать статистические сведения о численности жителей «главных семи осетинских ущелий», приводит сведения о фортификациях, бытовых условиях, народных поверьях. При этом все выводы автора сделаны с позиций ориентализма, а примеры, подчеркивают отсталость народа и его склонность к организации набегов. Характерным примером смеси этнографических описания с требованиями имперской идеологии служит, например, рассказ автора о языческом обряде благодарения за удачное мероприятие. «Осетины, по варварским своим понятиям о Законе Божьем призывают благость небесную различными жертвами при начале всякого, даже злодейского предприятия и таковыми же благодарят небо за удачное окончание оно, хотя бы успех приобретен был убийствами многих невинных жертв» [6, №73, с.3 – 4], – писал Гордеев. В целом, работа стала типичным примером формирующейся военной этнографии, смотрящей на народы Кавказа «через прицел винтовки», а по своей форме заняла промежуточное положение между травелогами – описаниями личных приключений в неизученных районах Кавказа, и передачей читателю собственно этнографических сведений о жителях этих областей [12, p.77].

К данным мотивам Гордеевым был добавлен и сильный военно-политический акцент, прославлявший мощь России. Буквально в каждом из писем, составлявших очерк, Гордеев напоминает потенциальному читателю о мощи русского оружия, неустранимости русских солдат и их готовности проникнуть даже в самые отдаленные и неприступные части Кавказского хребта.

Автор не видел иного решения организации взаимодействия местных народов с имперской властью, кроме как беспрекословного принятия ими имперских порядков. «Они покорились, выдали мятежных разбойников и вместо собственного ужасного закона: права сильного, водворена будет между ними гражданская благоустроенная власть, которая избавит их навсегда от своеволия, междоусобных ссор, грабежей и разбоев, а следственно и от кровомщения, сего ужасного бича всех Кавказских народов» [6, №73, с.3], – завершает свои этнографические описания автор. Подобные замечания свидетельствуют о том, что даже критикуя излишнюю жестокость военных акций, российские этнографы не видели иной альтернативы для народов Кавказа, кроме как войти в состав империи [6, №74, с.4].

География исследований Гордеева не ограничивалась только землями Осетии. В 1833–1834 гг. он был командирован для разбора земельных споров между хевсурами и тушинами и для составления топографического описания Пшавии и Хевсурии. Работа исследователя была замечена командованием Кавказского корпуса, которое

приступив в первой половине 30-х гг. XIX в. к сбору материалов по Закавказью, включило в издание и материалы экспедиций Гордеева.

В 1836 г. появилось многотомное «Обозрение российских владений в Закавказье», где исследователь представил раздел «Дистанция горских народов». Он дал сухое, но достаточно информативное по своему содержанию описание участка Центрального Кавказа в 1600 кв. верст, расположенного вдоль Военно-грузинской дороги от Дарьяльского ущелья до Грузии. Гордеев составил общую характеристику топографии, гидрографии, климата и природных условий основных ущелий Центральной части Кавказа, дополнив его описанием растительного и животного мира. Основное внимание автор уделил анализу состояния путей сообщения и главным из них – Военно-грузинской дороге.

Одним из самых любопытных разделов работы Гордеева стало описание «народонаселения» Центрального Кавказа: кистин, хевсуров, и осетин, где автор, не проводя четкого этнографического разграничения между этими этническими группами, сделал попытку представить материал о положении основных горских селений. Он насчитал 61 селение на северном и 198 – на южных участках «Дистанции». В данном труде Гордеев не вдавался в анализ взаимоотношений горцев с имперскими властями, заметив только, что «ныне покорные новые соотечественники русских, пользуясь безопасностью, купленную для них трудами и кровью Русских воинов, веселы и довольны скудным своим состоянием; они стараются распространить земледелие, начинают даже обращаться к промышленности, и таким образом получают возможность пропитать возрастающее свое население» [5, с.117].

В 1835 г. Г. С. Гордеев вновь поступил на военную службу в прежнем чине поручика. Привлечение в Кавказский корпус человека, имевшего большой опыт исследовательской работы в горах, было связано с активизацией действий командования Кавказского корпуса на Северо-восточном Кавказе. В это время имперские власти приняли решение о разработки прямого пути сообщения между Кахетией и Каспийским побережьем, надеясь через Аварию проложить прямую дорогу «к крепости Бурной или иному приморскому месту Северного Дагестана» [9, л.1]. Обсудив с военным министром, графом Чернышовым возможный маршрут дороги, Г.В. Розен пришел к заключению, что о наиболее сложном ее участке между столицей Аварского ханства Хунзахом и укреплением Кварели на Лезгинской кордонной линии у командования не имеется точных сведений. Так, имевшиеся в распоряжении Г. В. Розена карты уверенно рисовали Аварию граничащей с Грузией, существенно сокращая площадь Нагорного Дагестана, по которому на практике следовало вести прокладку задуманной транспортной артерии [8, л.1].

От мысли послать на разведку отряд топографов под прикрытием войск, Розен отказался, предпочитая «вместо рекогносцировки открытой силой ... под благовидным предлогом послать из Кахетии в Аварию опытного в топографической части офицера, который осмотрел бы главнейшие сообщения и приобрел сколько возможно подробнейшие сведения о высокогорном Дагестане, через который никто еще из русских не прошел» [9, л. 6–6об.].

Выбор кандидатуры Г. С. Гордеева для проведения задуманной разведки объяснялся тем, что офицер, «будучи сряду несколько лет употребляем для поездок в горы к разным племенам, соседственным с Лезгинским обществом приобрел достаточно понятий о характере и обычаях их и по своей предприимчивости и умения обращения с полудикими здешними племенами, подавал более надежд к исполнению сего поручения» [9, л. 8].

Разведку следовало проводить тайно и «дабы более скрыть пред Лезгинами действительную цель назначения поручика Гордеева и поездкам его в горы дать благовиднейший предлог» [9, л. 8 об.], было решено выдавать разведчика за нового пристава, назначенного в одно из горских обществ. Однако, легенда, придуманная командованием, была не убедительна и показывала слабое знание этнических реалий и географии региона. Общество Анцух, в которое направлялся мнимый русский чиновник, находилось далеко от границы с Кахетией и попасть в него можно было только пройдя через земли двух других обществ, жителям которых не было никаких дел до внутренних проблем соседей.

31 мая 1835 г. поручик Гордеев в сопровождении шести лезгин отправился в глубину гор из деревни Чеканы, находящейся за Алазанью недалеко от города Телава, и через шесть дней трудного пути достиг капучинской деревни Калаки. Далее, как следует отчет он «не смог проникнуть, ибо, не взирая на все предосторожности и убеждения пристава, пользующегося уважением Лезгин, жители сей деревни ... решительно воспротивились дальнейшему следованию чиновников, а потому они из Калаки должны были возвратиться» [9, л. 9].

Несмотря на провал миссии, разведчик составил детальное описание пройденного пути и даже успел с помощью буссоли скрытно провести топографическую съемку маршрута [9, л. 9 об.]. Им были отмечены удобные участки для прокладки дороги, а также указаны трудности как рельефа местности, так и возможностей обеспечения транспорта. «На сем пространстве вовсе нет корма для лошадей и даже мест, удобных для расположения войск; сначала оно покрыто сплошным дремучим лесом, а потом являются одни обнаженные скалы» [9, л. 9], – писал он в отчете. Гордеев считал вполне реализуемой за-

дачу прокладки коммуникаций по южному склону Кавказского хребта, но весьма проблематичным дальнейшее строительство.

Убедившись в том, что первоначально избранный маршрут для войск не проходим, Г. В. Розен решил сместить поиски удобной дороги западнее и «приказал поручику Гордееву стараться проехать из Тушетии или Хевсурии в Чечню» [9, л. 10 об.]. Ход второй разведывательной миссии был так же неудачен. «Офицер сей с двумя топографами отправился в том же году в те же места и с содействием Тушинского пристава, состоящего по армии поручика князя Челокаева, доставил топографам возможность с надлежащей точностью снять весьма поверхностно нам известные земли Тушинских, Хевсурских и части Пшавских обществ. Наступившее позднее время года воспрепятствовало продолжать дальнейшее обозрение Чечни» [9, л. 10 об.], – писал в рапорте военному министру Г. В. Розен. Экспедиция Гордеева, таким образом, успела провести только поверхностную топографическую съемку на южном склоне хребта и передать полученные материалы в Военно-топографическое депо.

Между тем, несмотря на повторный провал разведывательной миссии, командование Кавказским корпусом не отказалось от проекта строительства дороги через Дагестан, который на карте выглядел очень заманчиво. В 1837 г. отряд под командованием генерала Фези занял Хунзах и возвел на престол его владельца пророссийски настроенного Ахмет-Хана. Обеспечив, таким образом политическую поддержку, войска начали строительство участка предполагаемой дороги между столицей Аварии и Темир-хан-Шурой, ход которого ярко описал непосредственный участник экспедиции Я. Костенецкий. Работы, по его оценке, были проведены столь успешно, что появилась возможность «катить хоть тройкою до Хунзаха... там, где прежде с трудом пробирался пеший горец» [4, с. 104–105].

Однако, власть Аварского хана не распространилась на вольные общества в Нагорном Дагестане, а в них, по оценке Г. В. Розена, строительным работам следовало ожидать «самого отчаянного сопротивления. Лезгины весьма понимают, что с проведением предполагаемой дороги, погибнет их независимость доселе никем неприкосновенная» [9, л. 3 об. – 4]. В связи с этим, в августе 1838 г. уже со стороны Дагестана была продолжена разведка маршрута в Грузию по ущельям Аварского и Андийского Койсу. «Время казалось наиболее благоприятным для такой попытки, – писал позднее Е. Г. Вейденбаум. – Старейшины вольных обществ приезжали на поклон к генералу Фези во вновь заложенное Хунзахское укрепление и лицемерно уверяли его в своей преданности и покорности. Оставалось только выбрать надежных исполнителей задуманного предприятия» [1, с. 291].

Выбор командования остановился на полковнике генерального штаба А. Бергенгейме, который должен был исследовать горные перевалы из вольных обществ Андии в Кахетию и поручике Г. С. Гордееве. Последнему был назначен путь вверх по ущельям Аварского Койсу через общество Гидатль и оттуда через Карах и Тленсерух на перевал снежного хребта, ведущий в Джарскую область [1, с. 293].

Экспедиция закончилась полным катастрофой. По рассказу трех ее участников, вернувшихся в Хунзах, Гордеев со своими спутниками достигли горного перевала в Джарскую область, но были остановлены горцами из общества Тленсерух, которые захватили их в плен и отвели в один из аулов. Здесь они были опознаны как русские разведчики, но смогли убедить горцев их отпустить. Горцы вернули членам экспедиции их имущество и оружие, однако, запретили следовать дальше через свою территорию, и разведчики были вынуждены возвращаться обратно в Аварию [1, с. 296].

Ослабленная экспедиция не могла быстро продвигаться и остановившись на отдых в Гидатлинских землях, подверглась нападению со стороны местных жителей. В ходе него, Гордеев, русский топограф и два члена экспедиции были убиты [1, с. 296–297]. О материалах, собранных в ходе экспедиции, сведений не имеется.

Смерть Г. С. Гордеева в ходе неудачной разведывательной экспедиции, по мнению имперского командования показывала прежде всего

слабость российской власти в Нагорном Дагестане. То, что русские войска присутствовали в Аварии, не означало подчинения полосы нагорных земель. Случай так же открывал глаза на то, что социальные отношения у жителей вольных обществ организованы не так, как в соседних с ними феодальных владениях: даже прямое покровительство одного из известных Гидатлинских старшин не гарантировало безопасность экспедиции не только на соседних землях, но даже в границах этого общества [1, с. 297]. При этом, командование, отказавшееся после убийства Гордеева от мысли послать последующих военных разведчиков в нагорную полосу земель, упорно не хотело видеть собственные ошибки. За три года, Гордеев был трижды отправлен с одной и той же миссией в один и тот же район, где его лицо не могло ни стать известным и потому выяснять после трагического провала «кто и когда мог выдать» [1, с. 296] членов разведывательной миссии не имело смысла.

В целом, биография Г. С. Гордеева показывает пример организации военных исследований в 20–30 гг. XIX в. а собранные им материалы, несмотря на присутствие в авторских суждениях типичных штампов своего времени, послужили становлению отечественного Кавказоведения и этнографического изучения народов региона.

Источники и литература

1. Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды. Т. I. Тифлис, 1901. 320 с.
2. Вероисповедания, Суеверия, обряды, правление, обычаи и нравы осетин // Тифлисские ведомости. 1830. №28, 29.
3. Кавказский этнографический сборник. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 376 с.
4. Костенецкий Я. Записки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1851. 122 с.
5. Обзорение российских владений за Кавказом. Ч. II. СПб.: Тип. Департамента внеш. торговли, 1836. 401 с.
6. Письма из Осетии // Тифлиссские ведомости. 1830. №72-78, 84, 87.
7. Поездка из Польши за Кавказ. Отрывок из путевых записок Гордеева // Тифлиссские ведомости. 1830. №18 – 24.
8. Российский государственный архив древних актов. Ф. 192. Оп. 1. Д. 60.
9. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 6313.
10. РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 9.
11. Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М.: АИРО-XXI, 2008. 493 с.
12. Jersild A. Orientalism and Empire. London: Itaca Press, 2002. 271 p.
13. King Ch. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. Oxford: Oxford University Press, 2008. 291 p.
14. Porter R.K. Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia. Vol. 1. London: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1821. 720 p.

References

1. Vejdenbaum E. G. Kavkazskie e`tyudy` (Sketches of the Caucasus). Vol. I. Tiflis, 1901. 320 p. (In Russian)
2. Veroisповедaniya, Sueveriya, obryady`, pravlenie, oby`chai i navy` osetin (The Beliefs, superstitions, ceremonies, ruling, traditions and virtues of the Ossetians) // Tiflisskie vedomosti. – 1830. – # 28, 29. (In Russian)
3. Kavkazskij e`tnograficheskij sbornik (Caucasian ethnographic collection). Vol. I. 374 p. (In Russian)
4. Kosteneckij Ya. Zapiski ob avarskoj e`kspediczii na Kavkaze 1837 goda (Notes on the Avarian expedition in the Caucasus in the year of 1837). St. Petersburg, 1851. 122 p. (In Russian)
5. Obzrenie rossijskikh vladenij za Kavkazom (Overview of Russian possessions in the Transcaucasia). Pt. II. St. Petersburg, 1836. 401 p. (In Russian)
6. Pis`ma iz Osetii (Letters from Ossetia) // Tiflisskie vedomosti. 1830. No. 72-78, 84, 87. (In Russian)
7. Poezdka iz Pol`shi za Kavkaz. Otry`vok iz putevy`kh zapisok Gord-va (A travel from Poland to Caucasus) // Tiflisskie vedomosti. 1830. No. 18 – 24. (In Russian)
8. Russian state archive of Ancient acts. F. 192. Inv. 1. D. 60. (In Russian)

9. Russian state military-historical archive (RGVIA). F. 846. Inv.16. D. 6313. (In Russian)
10. RGVIA F. 14719. Inv.2. D.9. (In Russian)
11. Tornau F.F. Vospominaniya kavkazskogo oficzera (Memoirs of the Caucasus officer). Moscow: AIRO -XXI Press, 2008. 493 p. (In Russian)
12. Jersild A. Orientalism and Empire. London: Itaca Press, 2002. 271 p.
13. King Ch. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. Oxford: Oxford University Press, 2008. 291 p.
14. Porter R. K. Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia. London, 1821. Vol.1. 720 p.

Сведения об авторе

Ткаченко Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / tksmg@rambler.ru

Information about the author

Tkachenko Dmitrii – Doctor of Historical sciences, Professor, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / tksmg@rambler.ru